

ЧУЖОЙ МУЖЧИНА В МОЕМ ДОМЕ

Рассказ

День не задался с самого утра. Мама ушла на работу очень рано, и будить Таню заявился этот Валерий. Он был для нее чужим человеком, и девушка предпочитала делать вид, что его не существует. Поэтому все слова, мол, надо вставать, нельзя опаздывать, Таня пропустила мимо ушей.

Она окончательно проснулась, когда на часах была половина девятого и первый урок в школе уже начался. Быстро натянула синие узкие джинсы, вязаную голубую кофту и подошла к зеркалу. Там отражалась высокая, худая, кареглазая девушка-подросток. Каштановые волосы на прошлой неделе были подстрижены в стильное каре. Пухлые губы, прямой нос и маленькая родинка на правой щеке нравились Тане больше всего.

Таня привыкла быть всегда лучшей. Отличница, самая красивая девочка в классе, дружит с парнем — старостой, спортсменом. У нее модные вещи и золотые украшения. Недавно папа подарил серьги с бриллиантами, которые Таня теперь не снимает. Все было хорошо в ее жизни, пока не появился — он, ненавистный чужак.

Валерий гремел посудой на кухне, поэтому завтракать Таня не стала. Выгребла из копилки в кошелек последние карманные деньги, решила, что купит что-нибудь в школьном буфете.

На дворе середина октября, и для этого месяца погода стоит холодная. Но Таня продолжает носить короткую черную кожаную куртку. Шапку она не надевает принципиально, не собирается портить укладку. Мать давно перестала уговаривать Таню одеться потеплее. Дочь только дерзит: я большая, мне лучше знать.

Год назад мать привела в дом этого Валерия и сказала, что он будет жить с ними. Таня эти слова не восприняла всерьез. Как такое возможно? Это дом ее, мамы и папы. Чужого дядьки здесь быть не должно. Мама — еще красивая, худенькая, хрупкая, пышноволосая, сероглазая, кандидат медицинских наук. Что у нее общего с этим типом, который даже высшего образования не имеет?

Тане Валерий казался громилой. Корявым, неповоротливым, с огромными волосатыми руками. У него вообще волос на теле было как у неандертальца. Шевелюра черная, густая и еще усы. И он курил. Работал мастером на заводе. Да разве это профессия для настоящего мужчины?

Вот папа был совершенно другим: подтянутым, стройным. У него своя компания по продаже строительного крепежа. Папа никогда в жизни не носил усов. Зачем они вообще нужны человеку — чтобы пачкать их во время еды?

Елена Ивановна Леванова родилась в 1986 году в городе Краснослободске, Республика Мордовия. Окончила Российский государственный университет туризма и сервиса по специальности «психология». В 2017 году окончила курсы Creative Writing School (мастерская Ольги Славниковой). Имеет несколько научных публикаций. В настоящее время проживает в Москве.

Первое, что не понравилось Тане в Валерии, — это соус на усах во время первого совместного ужина. Мама засмеялась и убрала своей салфеткой жирный потек. А Таню от вида этого безобразия чуть не вырвало.

* * *

Хорошо, что сегодня из школы Таню забирает папа. Она любила проводить с ним время. Папа с мамой временно разъехались, но от этого они не перестали быть одной семьей. Раньше они все вместе ходили в зоопарк, в цирк, в кино, с каждым годом все реже и реже, но все-таки. Когда появился этот Валерий, мама с папой уже никуда вместе не ходили.

Сегодня папа был какой-то нервный. Не спросил, как обычно, что нового в школе. Не щелкнул Таню по носу и не ущипнул, любя, за щеку. Все время оглядывался по сторонам, словно ждал кого-то. Тане было все равно. Она перед кино решила перекусить в любимом кафе.

В глубине души Таня мечтала, чтобы мама с папой снова стали жить вместе. Она давно уже не верила в Деда Мороза, но если бы была хоть малейшая вероятность его существования, девочка написала бы сотни писем с просьбой, чтобы ее семья вновь стала полной.

Когда папа вдруг перестал ночевать дома, мама сказала, что он уехал в командировку. Но Таня понимала, что это не так. Каждый раз из командировки папа привозил дочке подарок и магнитик. А в тот раз магнитика не было. А подарок был дорогой, даже слишком дорогой.

Позже родители сообщили Тане, что папа устроился на хорошую высокооплачиваемую работу, но ему нужны тишина и покой. Поэтому он поживет отдельно, но по первому звонку будет приходить к Тане. И действительно, всякий раз, когда Таня болела или у нее возникали проблемы в школе, папа прибегал. Сначала Тане даже понравился такой новый распорядок. Раньше родители часто ссорились, и Таня в свои одиннадцать понимала, что крики и взаимные обвинения ни к чему хорошему не приведут. А теперь дома стало тихо. Все было хорошо. Втайне Таня мечтала, что папа зарабатывает много денег и вернется. А тут появился этот Валерий и испортил всю ее жизнь.

После основного блюда Таня заказала себе шоколадные пирожные. Это мама следила за правильным питанием, а папа баловал свою дочурку и позволял ей многое. Но тут к столику подошла незнакомая женщина. Папа вскочил, подал ей руку. Незнакомка была высокая, темноволосая, совершенно непохожая на маму. Таня поперхнулась куском пирожного и сильно закашлялась. Папа испуганно отпрянул от женщины и бросился к Тане, принялся стучать по ее спине слабым кулаком.

— Все будет хорошо, все будет хорошо, — приговаривал он.

Прокашлявшись, Таня искоса глянула на женщину. Заметила округлившийся живот. Не от сладкого точно. Столько сладкого не съесть.

— Познакомься, Таня, это Марина. Марина, это моя дочь Танюша, — заговорил отец с натянутой улыбкой.

Таня переводила взгляд то на папу, то на женщину с большим животом и все ждала, когда же они скажут: шутка, мы пошутили. Но они продолжали молчать и улыбаться. Тогда она, не сказав ни слова, схватила свою куртку и бросилась к выходу.

* * *

Дома Таня попыталась скрыться в своей комнате, но в прихожей ее уже ждали мама и этот Валерий. Мама выглядела растерянной, а Валерий крепко держал ее за руку.

В черных растянутых трениках и мятой майке навывпуск, он показался Тане еще более неуклюжим и неприятным.

— Это ты, это ты во всем виноват! — выкрикнула Таня в лицо чужому дядьке. — Мама с папой были бы вместе, если бы не ты!

Мама уже знала, что случилось в кафе: отец звонил ей несколько минут назад.

— Танюш, нам надо поговорить, — произнесла она мягко, осторожно подбирая слова. — Папа от нас ушел давно. Это был его выбор.

Таня еле сдерживала слезы.

— Неправда. Папа не уходил, он просто жил отдельно, потому что у него работа нервная.

Мама оглянулась на Валерия, ища у него поддержки.

— Да, мы так тебе сказали. Но у папы давно другая семья.

— Неправда, ты все врешь!

— Татьяна, ты должна выслушать мать... — вмешался Валерий. Он редко заговаривал с Таней, только по самой большой необходимости или в присутствии мамы, чтобы поддержать беседу. Сейчас по голосу его Таня поняла, что у него заканчивается терпение. — Мама желает тебе добра...

— Если бы желала, то тебя бы здесь не было! — выпалила Таня. — Убирайся, видеть тебя здесь не хочу!

— Он здесь живет и будет жить, — мама выглядела испуганной, но говорила твердо. — Я боялась сделать тебе больно, избегала конфликтов. Да, я создала тебе иллюзию, что у нас с папой все хорошо. Но одна ложь тянет за собой другую. Я надеялась, что ты повзрослеешь, поймешь. Танюша, тебе уже пятнадцать лет! Мы с Валерой вместе, и мы счастливы. Пора смириться.

Таню затрясло.

— Пока этот здесь, — Таня ткнула указательным в сторону чужака, — ноги моей в этом доме не будет!

Она выскочила на лестничную площадку и изо всех сил грохнула дверь квартиры.

* * *

Таня почти бежала по улице. В груди бушевал гнев. Ей хотелось кричать во весь голос и крушить все, что попадает на пути. Она зло пнула валявшуюся на тротуаре стеклянную бутылку из-под кока-колы, бутылка отлетела к бордюру и разбилась на острые осколки. «Вот так разбилась моя мечта о воссоединении семьи», — подумала Таня.

До нее вдруг дошло, что не все ее желания будут исполняться. Однажды она смотрела на Ютубе ролик известного психолога, который учил правильно мечтать. Он предлагал загадать желание и вспоминать его каждый вечер перед сном. А потом представлять, что желание уже исполнилось, и жить с этим как с данностью. Таня упражнялась целый месяц. Воображала, что у нее снова полная семья. Теперь она горько подумала, что мечта сбылась в двойном объеме. Стало целых две полных семьи: отдельно мамина и отдельно папина.

Почему взрослые такие эгоистичные? Почему они думают только о себе? Зачем женились и заводили детей, если затем разводятся?

Таня шла долго, пока не поняла, что ноги окончательно промокли. Темнело, дождь все не кончался. Надо было отыскать какое-нибудь пристанище. Таня и раньше подумывала уйти из дома, но на этот случай она всегда представляла, что будет жить у папы. А мама начнет искать, придет за ней и останется навсегда. И снова они будут

крепкой, дружной семьей. Но теперь путь к отцу закрыт. Перед глазами Тани стояла беременная женщина, совершенно непохожая на маму.

К подружкам тоже нельзя: у них родители будут искать Таню в первую очередь. К своему парню не пойдешь — они встречаются меньше месяца. Как объяснить его родным, что делает чужая девочка в их доме?

Глупо получилось. Угораздило сбежать из дома без денег и без четкого плана действий. «И почему я не пошла в сторону метро, там торговый центр, хоть бы отогрелась», — корила себя Таня.

Но на пути попадались только жилые дома и детские площадки. Потом Таня долго брела по парку, который казался ей голым. Листья давно облетели, и мокрые ветви мерзли, качались под ветром.

Выйдя из парка, Таня уперлась в деревянный забор, огораживавший какую-то плохо освещенную территорию. На стенде значилось: «Дом под снос».

Таня остановилась. «Надеюсь, ночью этот дом не будут взрывать», — подумала она.

Забор только с виду казался крепким, на деле доски шатались, и пролезть на территорию не составило труда. Старая панельная пятиэтажка доживала последние дни среди мусора и изувеченных кустов. Измазанная глиной деревянная плаха вела в разбитое окно первого этажа. Таня приставными шажками поднялась по этому шаткому мостку и прыгнула в комнату.

Внутри было темно и пахло тухлятиной и сыростью. По стенам ветвились трещины. Тут и там свисали отяжелевшие куски рваных обоев, с потолков сыпалась побелка. Таня не стала подниматься выше первого этажа. Вдруг дом обрушится, и она не успеет спастись. А здесь, внизу, многие окна разбиты, можно выбраться наружу, даже если завалит входную дверь.

Таня шла медленно, делая маленькие шаги. Под ногами то и дело скрипели доски, скрежетали битые стекла, в промокших ботинках хлюпало. Таню пробирала дрожь, не то от холода, не то от страха.

Остановилась Таня в комнате, которая раньше служила детской. Сломанная деревянная кровать, изрисованные обои с мультяшными персонажами, в дальнем углу сдувшийся мяч. Здесь было немного теплее, чем в других помещениях. Батареи, конечно, давно отключили, но, по крайней мере, не дуло. Оконное стекло пересекала толстая радужная трещина, но кто-то заслонил ее фанерой и подложил тряпок. От этого в комнате было темно, но и тепло.

* * *

Таня не осознавала, сколько времени прошло с тех пор, как она попала в заброшенный дом. Заряд на телефоне показывал тридцать процентов, и постоянно включать фонарик было нельзя. В темноте Таня сняла мокрые ботинки и носки, а на ступни натянула кожаные перчатки. Было неудобно, зато сухо. Ладони Таня прятала в карманы джинсов и очень жалела, что не надела куртку подлиннее.

В углу комнаты Таня нашла заскорузлое тряпье и собрала его в одну большую кучу. Зарывшись в тряпки, она немного согрелась, зубы перестали выбивать дробь. Поколебавшись, она включила телефон. На дисплее высветилось тридцать девять пропущенных вызовов от мамы, тридцать вызовов от папы и еще пятьдесят звонков с незнакомых номеров. Таня горько ухмыльнулась: «Пусть теперь переживают, раз раньше не ценили».

Чтобы как-то скоротать время, Таня стала фантазировать. Заброшенный дом представлялся ей заколдованным стариком. Он был дряхлым, больным и покинутым. Давно, когда его только построили, он радовал людей. В нем хотели жить, за ним

ухаживали, берегли. Но с годами силы покидали дом, хозяева меняли его на лучшие условия, забывали, уезжали. Брошенный дом, как брошенный человек, умирает тогда, когда о нем забывают.

Вдруг послышался шорох.

Таня вскочила на ноги. Включила фонарик в телефоне и направила на источник шума. В дверном проеме стоял страшный мужик в оборванной одежде, заросший дикой бородой до узких маленьких глаз. Нельзя было определить, сколько ему лет. Таня знала, что бомжи могут выглядеть на семьдесят, а по паспорту, если он есть, окажется сорок или около того. От человека пахло, как от мусорного ведра. В любой другой ситуации Таня за километр не подошла бы к этому существу. Но куда ей идти на ночь глядя? Сколько еще таких людей она встретит на улице?

— Уходи отсюда! — крикнула Таня, стараясь, чтобы голос прозвучал требовательно, без дрожи. — Я первая нашла этот дом. Он мой!

Человек шмякнул на пол какие-то неопрятные пакеты и, не глядя на Таню, пробурчал:

— Когда на свой дом заработаешь, вот тогда и будешь командовать. А пока ты в любом доме гостья. Заткнись и зайбейся в угол, чтобы я тебя не слышал. А то выгнью на улицу под дождь.

Таня замолчала. В доме, где почти все окна были разбиты, ясно слышались порывы бешеного ветра и тяжелый шум ливня. При мысли вновь оказаться под открытым небом Тане стало зябко. Она съежилась и обхватила руками колени. Так было немного теплее.

Бомж, почесываясь, вышел и через минуту вернулся, волоча железную бочку, закопченную и пропахшую гарью. Поставив странное сооружение на середину комнаты, он накидал в нее веток, обломков мебели, вытащил откуда-то из глубин своей вонючей одежды спичечный коробок. Скоро в бочке заплясали языки, от огня пошел едкий розовый жар.

— Иди к костру, грейся, — хрипло позвал бомж.

Таня не хотела приближаться к противному соседу и его бочке, но очень было холодно. Переступив через гордость, Таня поднялась на затекшие ноги, медленно подошла и протянула ладони к огню.

— Почему ты не выгоняешь меня? — спросила она.

В ответе бомжа не прозвучало ни злости, ни гнева. Скорее усталое равнодушие:

— Ты видела, что на улице творится? Да в такую погоду даже паршивую собаку на улицу не гонят.

Тане стало не по себе. Ведь именно сегодня она хотела выгнать Валерия из дома, и ей было все равно, какая погода за окном.

Бомж покопался в своих пакетах, один целлофановый постелил на пол и на него стал выкладывать свою сегодняшнюю добычу. Полусгнившие бананы, надкусанное зеленое яблоко, мятая банка горошка и почти целая пачка дешевого печенья. Сам он вцепился зубами в кусок ветчины, заедая ее засохшим батоном. Затем бомж зыркнул на Таню и предложил:

— Будешь?

Таня брезгливо покосилась на помойную провизию. Живот предательски заурчал. Есть хотелось сильно, но Таня решила, что скорее умрет, чем проглотит что-то из предложенного.

— Спасибо, я не голодная.

Мужнина пожал плечами и продолжил уплетать свою ветчину:

— Мне больше достанется.

Они больше получаса просидели в тишине. Мужчина поел, остатки пищи спрятал в пакет и стал считать пустые стеклянные бутылки, принесенные в черной тряпичной сумке. Таня не знала, что ей делать дальше. До утра еще очень долго. Закрыть глаза было страшно: неизвестно, чего ждать от незнакомого человека в грязной одежде.

— Как вас зовут? — спросила она наконец, не выдержав долгого молчания.

Бомж, продолжая брякать стеклотарой, буркнул:

— Чинарь.

— А меня Таня.

— А мне все равно, — отозвался бомж, укладывая сосчитанные бутылки обратно в черную сумку.

— По имени вас как? — Таня попыталась поддержать разговор.

— Я же сказал: Чинарь, — с раздражением бросил грязный мужик.

— А по паспорту?

— Паспорта у меня нет, поэтому имени другого нет, — грубо оборвал ее бомж и поволок свои сумки вон из комнаты.

* * *

Таня больше ничего не спрашивала. Она погрузилась в мысли о себе, о маме, о папе. Как же она не замечала, что родители много ругались, когда жили вместе? Плохие воспоминания стерлись из детской памяти, остались лишь добрые, где они были втроем. Но таких было очень мало, а Тане хотелось, чтобы их стало больше. Может, именно из-за этого она мечтала, чтобы папа с мамой вновь стали жить вместе. Ей не хотелось верить, что ее семья неполноценная. Что она сама часть чего-то неполноценного.

Незаметно Таня задремала. Глаза ее почти закрылись. Но вдруг резкий деревянный скрежет заставил ее вздрогнуть всем телом. Бомж, стоя к ней спиной, доламывал детскую кроватку.

— Не трогайте! — закричала Таня, вскакивая на ноги.

Она сама испугалась звука своего голоса. Чинарь замер с вывороченным обломком в темной лапе. Таня сама не понимала, что на нее нашло. Вид грязного мужика, крушившего кроватку ребенка, вызвал у нее жуткое чувство.

— Почему? Греться чем будем? — прохрипел Чинарь, недовольный тем, что его напугала приبلудная девчонка. — Или ты пойдешь на улицу за досками в такой дождь?

Таня замаялась.

— А в других комнатах ничего нет?

— Иди поищи сама, — отозвался Чинарь, с треском ломая через колено перила кроватки.

Таня съежилась. Ей вновь стало холодно и страшно.

— Почему вы живете в этой развалюхе? — спросила она.

Еще недавно она дала себе слово не заговаривать больше с этим диким человеком, от которого ужасно пахло. И вот опять пытается вступить с ним в диалог.

— А где мне жить? — Чинарь, не глядя на Таню, криво ухмыльнулся.

— У себя дома.

— А если у меня его нет?

— У всех есть дом.

— Так почему ты сейчас не у себя? — с издевкой спросил Чинарь, покосившись на Танины ноги, похожие в перчатках на лапы обезьяны.

— Я там лишняя. Мое место заняли, — печально ответила Таня и вдруг поняла, почему так невзлюбила этого Валерия с первой же минуты.

Валерий пришел, чтобы забрать внимание мамы, предназначенное только для Тани. Даже когда мама и папа жили вместе, Таня знала, что она номер один, центр их общего мира. А теперь появился кто-то претендующий на отдельное место в мамином сердце. Таня не собиралась ни с кем делить свою собственную маму. Так же, как не готова была делить любовь папы с будущим братом или сестрой. Да, Таня хочет быть первой всегда, лучшей во всем и даже больше — она хочет быть единственной. Единственной для мамы, единственной для папы, центром вселенной для своих родных, чтобы там была она одна и никого больше.

Тане стало стыдно. А может, стыдиться нечего? Все говорят, что эгоисткой быть плохо. Но что если этот эгоизм — часть твоего «я»? Ты не можешь измениться. Либо принимаешь и любишь себя целиком, либо обманываешь всех и себя в первую очередь, пытаешься казаться другим человеком.

Бомж, не склонный к душевным разговорам, доломал перила кровати в щепу и бросил дрова в остывающую бочку. Огонь вновь разгорелся, жар прошел по комнате волной. Потом Чинарь нагреб с пола тряпья и картонок, по-звериному зарылся в этот мусор, и скоро из кучи послышался клекочущий храп. Остаток ночи Таня просидела, глядя то на костер, где, казалось, догорали последние обломки ее детства, то на грязного мужика без своего дома и имени. Она так и не узнала, почему Чинарь живет в заброшенном доме, а он так и не услышал, почему Таня эту ночь провела не в своей постели.

* * *

С первыми лучами солнца Таня выбралась из своего ночного укрытия. Дождь прекратился, но сырость была повсюду. Ботинки и носки так и не просохли. Таня мечтала побыстрее переобуться и погреть ноги в горячей воде. Выпить теплого чая, забраться с головой под одеяло и забыть этот жуткий заброшенный дом.

По дороге домой Таня несколько раз повторила про себя то, что она скажет маме и Валерию. Мать обрадуется, а что почувствует Валерий, Таню по-прежнему не волновало. Но если мама счастлива рядом с этим мужчиной, Таня будет терпеть.

Таня дернула входную дверь — она была не заперта.

В квартире стояла неестественная тишина. Хотя все шторы на окнах были раскрыты, казалось, будто наступили сумерки. Мать сидела одна. Глаза ее опухли, на белом лице проступили красные пятна. Таня хотела что-то сказать, даже открыла рот, но не смогла произнести ни звука. Мама посмотрела на нее без всякого выражения и хрипло произнесла:

— Теперь это твой дом. Его больше нет, как ты и хотела.